

этому писателю, что самое названіе представляется вполнѣ метафорическимъ, въ родѣ названія: *Митридатъ*, которое придается филологическимъ сочиненіямъ, обнимающимъ многіе языки, отъ имени Понтійскаго царя Митридата, знавшаго, какъ говоритъ преданіе, двадцать два языка.

Высоко цѣня имя Златоуста, наши книжники не приписывали ему умышленно сочиненій, которыя, по ихъ крайнему разумѣнію, рѣшительно не могли ему принадлежать. Правда, въ рукописяхъ часто стоитъ имя св. Іоанна надъ твореніями другихъ писателей; но искренность переписчиковъ въ этомъ отношеніи видна уже изъ того, что не одному І. Златоусту, а и другимъ изъ соплеменныхъ ему писателей приписываются чисто-русскія сочиненія, и притомъ такихъ лицъ, имена которыхъ никакъ не могли уменьшить цѣнности сочиненія. Такъ во многихъ спискахъ «Златоуста» названы поученіями св. Іоанна Златоуста слова Кирилла Туровскаго: въ 5-го недѣлю по Пасхѣ, на Вознесеніе Господне, и другія. Въ списокъ XVI вѣка, принадлежащемъ Московской Духовной Академіи, Іоанну Златоусту приписано слово нашего Серапіона, начинающееся такъ: «Многу печаль в сердца своемъ вижду васъ дѣла, чада моя, понеже вижду вы не пременишася ѿ дѣлъ своихъ неподобныхъ. Не тако бо скорбѣти мѣти видаща чада своя болаща, яко азъ грѣшныи ѿць вашъ....» *). Но въ древнѣйшемъ списокѣ, XIII вѣка, въ одномъ изъ приведенныхъ словъ Кирилла Туровскаго вовсе не означено имени автора: слѣдовательно не было мысли о подлогѣ. Иногда замѣненіе менѣе извѣстнаго имени болѣе извѣстнымъ, могло бы казаться выгоднымъ для владѣльца рукописи, желавшаго ее сбыть. Имена *Теодосія Кіевского*, *Серапіона Владимірскаго*, *Іосифа Волоколамскаго*, безъ сомнѣнія, болѣе знакомы были любому изъ Русскихъ чатателей, и живѣе говорили его набожному чувству, нежели имена *Тита Вострыскаго* (Τίτου ἐπίσκοπου Βόστρων) и подобные. Не смотря на то, имена иностранныхъ, стоявшія въ оригиналѣ, большею частью удержаны переписчиками въ точности, съ неизбѣжными только фонетическими измѣненіями.

Но если не умысломъ, то чѣмъ же можно объяснить ошибку нашихъ переписчиковъ, отиѣчавшихъ именемъ Іоанна Златоуста сочиненія своихъ соотечественниковъ? Это объясняется прежде всего обычнымъ отсутствіемъ имени Русскаго

автора на его автографѣ или на первомъ списокѣ его труда. Оно было причиною, что имя автора должно было ставиться по соображенію. Изъ круга писателей, доступныхъ соображенію составителей сборника, вниманіе послѣднихъ всего скорѣе могло остановиться на имени Златоуста, издавна пріобрѣвшемъ извѣстность и почетъ въ русскомъ читающемъ мірѣ. Особенное уваженіе предковъ нашихъ къ Златоусту обнаруживается въ признаніи его главнѣйшимъ источникомъ духовнаго просвѣщенія, высказанномъ еще въ XIII вѣкѣ, представителемъ русской образованности. Обращаясь къ слушателямъ, Серапіонъ говоритъ: «Не послушахомъ Еуангелія. Не послушахомъ Апостола. Не послушахомъ Пророка. Не послушахомъ свѣтилъ великихъ, рку: Василія, и Григорія Богословца, Іоанна Златоуста....» *). Слова Іоанна Златоуста, вмѣстѣ съ ученіемъ Апостоловъ, служили основаніемъ нравственныхъ убѣжденій. При описаніи убіенія князя Андрея Суздальскаго (1175), лѣтописецъ приводитъ, какъ нарушенную заповѣдь, слова Апостола Павла и Іоанна Златоуста: «Пишетъ Апостолъ Павелъ: всяка душа властью повинуется, власти бо отъ Бога учинены суть. Рече великій Златоустецъ: иже кто противится власти, противится закону Божію, князь бо не туне носитъ мечъ, Божій бо слуга есть» **). Хотя уваженіе къ Златоусту было на Руси всеобщимъ, но отчетливое сознаніе его заслугъ и особенностей его краснорѣчія доступно было далеко не всѣмъ и каждому. Были въ древней Россіи люди, понимавшіе значеніе Греческихъ христіанскихъ писателей, и пользовавшіеся ихъ произведеніями именно въ той мѣрѣ, въ какой дозволяли условія Русскаго быта. Къ числу такихъ людей принадлежалъ, напримѣръ, Кириллъ Туровскій. Но было бы несправедливо образованность одного изъ перво-степенныхъ дѣятелей нашей древней словесности отнести ко всѣмъ его современникамъ и потомкамъ. Вѣриѣ допустить, что степень литературнаго образованія была у предковъ нашихъ весьма неодинакова. Люди, особенно преданные книжному ученію, читали и перечитывали Златоуста со всевозможнымъ вниманіемъ. Люди, имѣвшіе менѣе способовъ или охоты заниматься чтеніемъ, довольствовались общимъ понятіемъ о твореніяхъ Отцевъ Церкви, не входя въ характеристическія подробности. Въ этомъ отношеніи съ понятіями о духѣ писателя могло произойти тоже, что съ извѣстіями о его жизни.

*) Ср. Въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ Св. Отцевъ. М. 1843, ч. I. стр. 103. Слово епископа Серапіона напечат. изъ «Златой Чепи». Варианты академической рукописи въ родѣ слѣдующихъ: *сердцы, дѣла, вижду вы не пременишася вмѣсто: сердца, ради, никакосе вы пременишася, и т. п.*—въ Златой чепи.

*) Прибавленія къ твореніямъ Св. Отцевъ. М. 1843. ч. I. стр. 98.

**) Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Т. II. Ипатіевская лѣтопись. стр. 115.